

М. И. Макаров**Категория «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья**

Цель статьи – рассмотреть в теоретико-методологическом и историко-педагогическом ключе трактовки категории «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья. Особое внимание в статье отводится научно-педагогической интерпретации содержащихся в трактовках категории «добродетельная жизнь» методов и способов приобщения воспитанников к нормам, ценностям и регламентам ведения социально приемлемой и одобряемой жизни. Методологическую основу исследования составила концепция целостности всемирного историко-педагогического процесса, а также цивилизационный, антропологический, генетический, герменевтический, науковедческий и социально-конструкционистский подходы. Предлагаемые автором подходы и выводы отличаются научной новизной, которая обнаруживается в выявлении и характеристике педагогического аспекта категории «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья, в обосновании специфики этико-педагогического понимания данной категории с позиций онтологии, что расширяет научные представления о методологических основаниях педагогики. В статье делается вывод о том, что на содержание трактовок категории «добродетельная жизнь», представленной в педагогике русского зарубежья, сильное воздействие оказывала православная этическая традиция, связанная с ведением человеком социально одобряемой добродетельной жизни. Категория «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья предстает в качестве понятия, определяющего мерило истинности педагогических взглядов и верности воспитательной практики. Поэтому данную категорию в педагогике русского зарубежья следует рассматривать как конкретное тесно связанное с общественными и духовными процессами явление педагогической культуры. Результаты исследования могут быть применены в области теории и истории педагогики и философии образования.

Ключевые слова: категория «добродетельная жизнь», этико-педагогическое представление о добродетельной жизни, педагогика русского зарубежья.

M. I. Makarov**The Category of «Virtuous Life» in Pedagogics of the Russian Abroad**

The purpose of the article is to investigate from theoretical and methodological, historical and pedagogical point of view interpretation the category of «virtuous life» of pedagogics of the Russian abroad. Special attention is given to scientific and educational interpretation contained in theories of categories “virtuous life”, methods and ways to familiarize children with norms, values and regulations of doing life socially acceptable and approved. The methodological basis of the research is the concept of integrity of the world historical and pedagogical process, and also civilization, anthropological, genetic, hermeneutical, science of science and social-constructional approaches. The approaches offered by the author and conclusions are notable for scientific novelty which can be detected in identification and characteristics of the pedagogical aspect of the category «virtuous life» in pedagogics of the Russian abroad, in justification of specificity of ethical and pedagogical understanding of the category «virtuous life» from ontology positions which expand scientific ideas of the methodological bases of Pedagogics. The article concludes that the contents of interpretations of the category «virtuous life» presented in pedagogics of the Russian abroad, was strongly influenced by the Orthodox ethical tradition connected with the person’s virtuous life which was socially approved. The category «virtuous life» in pedagogics of the Russian abroad is presented as a notion which is a criterion of the validity of pedagogical views and fidelity of educational practice. Therefore, this category of pedagogics of the Russian abroad should be regarded a phenomenon of pedagogical culture as closely associated with particular social and spiritual processes. Results of the research can be applied in the field of the theory and history of Pedagogics and philosophy of education.

Keywords: a category «virtuous life», ethical and pedagogical understanding of virtuous life, Pedagogics of the Russian abroad.

Вопросы, связанные с возвеличиванием в воспитаннике сил добра, формирования в нем способности к противостоянию злему, социально неприемлемому, разрушающему в человеке собственно человеческое начало, всегда были в фокусе внимания педагогической науки. Эти вопросы неоднократно ставились мыслителями,

учеными и педагогами русского зарубежья, особенностью даваемых ими ответов на которые выступало то, что все они в обосновании своего видения путей нравственного развития воспитанников отталкивались от той или иной трактовки категории «добродетельная жизнь».

Взгляд мыслителей, ученых и педагогов русского зарубежья на воспитание как на приобщение воспитанников к нормам, ценностям и правилам ведения социально приемлемой и одобряемой жизни, зиждущейся на универсальных ценностях Добра, Истины и Красоты, обозначил нашу исследовательскую цель – рассмотреть в теоретико-методологическом и историко-педагогическом ключе трактовки категории «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья.

В трактовках категории «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья акцентировано внимание на благотворном влиянии православных идей на становление нравственного облика воспитанников в процессе их воспитания и обучения. Усматривая в православии промыслительную суть национальной культуры, этики и воспитания, мыслители, ученые и педагоги русского зарубежья описывали и объясняли то, как должен осуществляться образовательный процесс, приобщающий учащихся к нормам, ценностям и регламентам ведения социально приемлемой и одобряемой жизни, зиждущейся на универсальных ценностях Добра, Истины и Красоты. «Нельзя вести детей, если впереди нет действительной правды, если впереди нет Царства Божия...», – замечал В.В. Зеньковский, видевший в православии ключ к приобщению обучающихся к нравственно оправданной духовной жизни [3, с. 57]. Этико-педагогические представления о добродетельной жизни в педагогике русского зарубежья зиждутся на идее «христоцентричности» воспитания, направленного на достижение единения человека с Богом. В работе «Апологетика» В.В. Зеньковского предлагается понимание добродетельной жизни как воплощение в бытии конкретного человека единого для всех божественного замысла о совершенствовании его души, устремленной к Истине, Добре и Красоте. Мыслитель считал, что в православной морали зиждутся провиденциалистские интенции: все созданы Богом, и из этого богосыновства всех людей вытекает братство между ними, поэтому высшей целью педагога считалось раскрытие образа Божия в детях путем приобщения их к жизни, соответствующей христианским нравственным императивам.

В трактовках категории «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья содержатся мысли о необходимости пробуждения в душах детей подлинной веры в «раскрытии образа Божия в детях через подготовку их к жизни в этом мире и к жизни вечной, причем не внешними принуждениями, а путем содействия цве-

тению лучших движений души» [2, с. 93]. Эти мысли аккумулировали творческое осмысление воспитания человека как спасения от грядущего апокалипсиса и явились краеугольной этико-педагогической идеей становления и развития личности всего русского зарубежья в его синкретическом комплексе философского, психологического, культурологического, религиозного наследия. В таком ключе трактовки категории «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья содержат уникальное истолкование идеи божественного промысла в жизни человека, творческой обращенности к грядущему. В комплексе этико-педагогических представлений о добродетельной жизни, таким образом, сфокусировался провиденциалистский смысл культурных традиций и духовно-эмоциональных устремлений, повлиявших на аксиологические основания воспитания.

В работах С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского, И.А. Ильина, Н.О. Лосского и других этико-педагогические представления о добродетельной жизни сопряжены с поиском путей воспитания в духе православия, с размышлениями о предопределенности сохранения на чужбине национальных ценностей в образовании. В обосновании своего видения путей нравственного развития учащихся мыслители, ученые и педагоги русского зарубежья отталкивались от трактовок категории «добродетельная жизнь», аккумулировавших внимание на национально-этическом компоненте аксиологии образования и воспитания. Поэтому фокус педагогических устремлений определяло национальное мировоззрение, предполагающее вызывающую к нравственному совершенствованию и духовному росту человека сосредоточенность на метафизических проблемах бытия. На первый план ставились такие аксиологемы, как Отечество, Свобода, Истина, Добро, Бог, соборность, которые определяли цели и задачи образования и воспитания личности. Этическими ориентирами воспитания становились представляющие исток и содержание духовного богатства добродетели вера, надежда, любовь. На такой аксиологической основе и осуществлялось в эмиграции национальное воспитание и образование.

На трактовку категории «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья сильное влияние оказала одна из центральных проблем этики – проблема свободы воли человека. Вообще, тема свободы как ценности и цели воспитания в педагогике русского зарубежья явилась

важнейшей точкой соприкосновения этических и педагогических представлений о добродетельной жизни. Общим для большинства мыслителей, ученых и педагогов русского зарубежья явилось понимание сущности свободы в слиянии человека с Богом и представление о человеке как свободном и детерминированном существе. В трактовках категории «добродетельная жизнь» отразилась мысль о том, что свобода человеку дарована Богом, она делает его подобным Богу и одновременно обуславливает его самоопределение, то есть дает возможность выбора между добром и злом. Поэтому смысл воспитания состоит еще и в усвоении дара свободы [9, с. 24]. Анализируя жизненный путь человека, В.В. Зеньковский отмечает, что жизнь обращает человека либо к полюсу добра, либо к полюсу зла. Это объясняется не столько провиденциальной и психофизической сферами личности, сколько существованием основанного на первородном грехе разделения духовной сферы на светлую и темную [4, с. 94].

В работах И.В. Ильина «Путь к очевидности», «Основы христианской культуры», «О воспитании национальной элиты» в трактовках категории «добродетельная жизнь» отражена мысль о том, что свобода применима только по отношению к человеческому духу, так как, по убеждению мыслителя, ни тело, ни душа не могут быть свободными. Воссоздавая в себе самого Бога, человек реализует свою собственную творческую свободу, поскольку Бог это и есть свобода. В анализе феномена свободы в контексте этико-педагогических представлений о добродетельной жизни Ильин приходит к мысли о том, что человек свободен в своем соединении с Богом, в индивидуальном духовном восхождении, требующем напряжения всех духовных сил личности. Мыслитель задается вопросом, как личность достигает морального совершенства (добродетельности) в ее неповторимой индивидуальности, и делает вывод: в устремлении к подлинной духовной реальности, в слиянии с Богом, а точнее в процессе воссоздания в себе Бога. В этом случае человек только и способен обрести центр, основу своего неповторимого личного бытия. В восхождении к духовному человек, по мысли Ильина, находится в постоянном воспитательном контексте. В противном случае жизнь его становится пошлой, распадается на отдельные, не связанные друг с другом примитивные устремления. Предостерегая потомков, мыслитель отмечает: «утратив Бога и Христа, религиозно неустроенная и нравственно распадающаяся, душа совре-

менного человека только и может стать жертвою приобретательских инстинктов и хозяйственных законов» [6, с. 295]. При этом речь идет не о церковной обрядовости и воцерковлении человека, а о насыщении внутреннего мира тем сокровенным духовным содержанием, которое удерживается и подкрепляется внутренней верой. В трактовках категории «добродетельная жизнь», таким образом, отражена мысль о том, что смысл воспитания зиждется в слиянии с Богом, ибо так «начинается новая жизнь» [8, с. 181].

Этико-педагогические трактовки добродетельной жизни в работах И.А. Ильина аккумулируют идею о том, что человеку укрепить свой внутренний мир, уберечь его от пошлости и зла можно лишь «овладев искусством образовывать свой духовный и религиозный опыт, соединяя свое житие с высшими ценностями, внутренне устремляясь к горней чистоте жизни» [7, с. 422]. Феномен добродетельной жизни в трудах Ильина, таким образом, напрямую связан с процессом воспитания, ибо добродетель открывает человеку духовный опыт, являет сердцевину формирования цельного человека и источник его самосовершенствования. С точки зрения мыслителя, в рамках такого воспитания люди становятся носителями моральных норм и ценностей, приобщающих их к христианскому ведению жизни. Именно в этом, как показывает Ильин, заключается значение истинного христианского воспитания.

Трактовки категории «добродетельная жизнь» в работах И.А. Ильина обильно насыщены толкованием подходов и приемов возвеличивания в человеке сил добра, на содержание которых особое значение оказал феномен духа христианской предметности. Следуя мысли Ильина, человек должен принять Божий мир и зажечь им в нем, поскольку семейная жизнь, воспитание детей, служба, хозяйство, политика, искусство, наука есть суть божественно устроенной земной жизни человека. Бог вовлекает человека во все эти сферы деятельности, наделив его силами благоустройства как своей собственной, так и общественной жизни. Что касается явления воспитания, то оно интерпретируется мыслителем как вслушивание в голос Бога и следование его замыслу духовно-нравственного совершенствования человека, идеальные характеристики которого заключены в добродетелях. Поэтому в трактовках категории «добродетельная жизнь» воспитание истолковывается как обновление человека, которое нужно начинать не с коренной ломки социальных условий существования, но с обновления

его души и воли, с воспитания у него веры, убежденности в святости семьи, любви к родине, национальной гордости.

В трактовках категории «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья содержатся мысли о воспитании как раскрытии в ребенке образа Божия. Это обращало мыслителей к вопросу о том, каковы те силы, которые составляют духовную природу человека. Ответ формировался на основе представлений о влиянии православных этических ориентиров на нравственное воспитание и на практику ведения человеком осознанной нравственно оправданной духовной жизни. Подобные вопросы и ответы обращали мыслителей к провиденциально ориентированным трактовкам добродетельной жизни человека. В частности, фокусировалось внимание на том, что цель воспитания должна формулироваться на основе представлений о приближении человека к тем чертам, которые свойственны для Творца всего сущего. Поэтому образ Христа являлся воплощением доброты, милосердия, справедливости и выступал добродетельным ориентиром нравственного воспитания и практики ведения человеком осознанной нравственно оправданной духовной жизни. С.Л. Франк отмечал, что человек, придерживающийся образа и подобия Божия и выступающий неким подобием Бога, «должен и, в принципе, может свободно исполнять волю Божию». В противном случае, то есть когда принимается во внимание природа человека, отличная от Бога, то «это подобие [человек] оказывается слабым и в известном смысле иллюзорным» существом [10, с. 39].

В трактовках категории «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья содержится мысль о том, что духовная жизнь, соотношенная со смыслом бытия человека в мире, влияет на развитие души, движущейся не просто к углублению и погружению в себя, а к самопознанию, способному помочь личности выйти за пределы своего «Я». В работах В.В. Зеньковского этико-педагогические представления о добродетельной жизни аккумулировали личностное начало в восхождении человека к горным высотам духа. Рассуждая о моральном совершенствовании личности, ученый отмечает, что обращение к педагогике позволяет решить задачу нравственного совершенствования и духовного роста истинного «Я» человека, развить способность различения добра и зла прежде всего в самом себе. «Развитие личности ребенка идет в ...трех направлениях – развитие своеобразия, основных

сил, творческого начала в ребенке, – развитие в нем исконного раздвоения добра и зла и связанное с этим развитие начала свободы, – развитие связи его с социальной средой, через усвоение языка. Все это не просто «духовное развитие», но целостная жизнь, – образ Божий, «божественная искра» одушевляет эмпирическое развитие, с которым связывает свою судьбу, свой крест» [5, с. 104]. В трактовках категории «добродетельная жизнь» в работах В.В. Зеньковского отражена мысль о том, что без постижения феномена человеческой личности невозможно детально разобраться в ее нравственном мире, выявить действительные мотивы тех или иных поступков, дать полезные рекомендации воспитателям.

Этико-педагогические представления о добродетельной жизни в трудах Н.А. Бердяева «Истина и откровение», «О человеке, его свободе и духовности», «Философия свободного духа» обнаруживаются в утверждении высокого духовного потенциала личности воспитанников, высоких целей социализации. Осмысление феномена добродетельной жизни в русле христианской традиции не помешало мыслителю наполнить смысловую канву категории «добродетельная жизнь» новым содержанием, отражающим ракурс «духовной» доминанты. Дух, в представлении Бердяева, соединяет сферу человеческую со сферой божественной, он оказывает воспитывающее влияние на тех, с кем происходит социальное взаимодействие. Вместе с тем мыслитель отмечает, что, хотя дух у человека от Бога, свобода, присущая духу, имеет не только божественное происхождение. Внешняя свобода, которая может породить грех, оказывается ловушкой для суда и наказания. Подобная трактовка свободы воли человека обусловила этико-педагогическую интерпретацию ценностно-значимого аспекта добра в жизни человека, придерживающегося такого стиля бытия, который обеспечивает его спасение от зла. В этико-педагогических трактовках добродетельной жизни, представленных в работах Бердяева, усматривается связь учения о спасении с воспитанием. В этом Н.А. Бердяев выступает единомышленником В.В. Зеньковского. Смысловой составляющей категории «добродетельная жизнь» в трудах Бердяева выступает идея спасения, понимаемая как достижение человеком богоподобного совершенства, как движение к горным высотам, как борьба за полноту и богоуподобление, как раскрытие божественного начала и укрепление богочеловеческой связи. Смысловая канва категории «добродетельная жизнь» в по-

добной трактовке отражает мотив тернистости жизненного пути человека, проходящего через испытания. В таком контексте свобода человека означает творческую силу, посредством которой он отвечает на Божий призыв. «Это и есть идея педагогическая в том смысле, что она есть не откровение Бога, а сокровение Бога, есть то, что Бог не открывает прямо человеку, а ждет, что он сам совершит это откровение. Царство Божие есть социальное и космическое преображение. Любят говорить, что для личного спасения для вечной жизни совсем не нужно творчество человека. И это не верно. Но оно нужно для Царства Божьего, для полноты жизни в Царстве Божиим. И все великое в человеческом творчестве войдет в Царство Божие. Истина в идее предопределения заключается в том, что человек должен изжить свою судьбу, которая есть лишь путь» [1, с. 304].

Наиболее явственная и глубокая педагогическая трактовка категории «добродетельная жизнь» представлена в художественных произведениях литературы русского зарубежья. Так, в романе «Лето Господне» И. Шмелева показано благотворное влияние православного быта русских людей на приобщение ребенка к добродетельному бытию. И. Шмелев обращает к думам о том, как образ Божий, содержащий силу доброты, милосердия, справедливости, воздействует на духовное созревание детской души и влияет на добродетельную жизнь ребенка. Автор «Лета Господня» заставляет задуматься над тем, каким должно быть воспитание настоящего человека, понять роль детей и взрослых в семье, помогает обратиться к благодатным средствам воспитания и увидеть их провиденциальный смысл. Собственно говоря, об этом весь роман «Лето Господне», его педагогический лейтмотив. А итогом такого воспитания могут стать слова Вани, главного героя повести: «И мне хочется стать святым».

Этико-педагогические представления о добродетельной жизни в романе «Лето Господне» растворены в движении плоти, души и духа ребенка к добродетельному бытию, приобщению к которому способствуют православные праздники, обряды, предания, образы и символы, пробуждающие чувство национальной гордости и причастности к русской истории и народным святыням. Автор «Лета Господня» контекстуально ставит перед родителями и педагогами задачу умело распорядиться этим богатством и вывести ребенка, устремленного в сферу смыслов, живящего в безграничный мир мысли, в человеческие отношения, в то, что стоит над человеком,

к горным высотам нравственного бытия. «Что-то я постигаю в этот чудесный миг... Есть у людей такое ... выше всего на свете» [11, с. 422]. Потому педагогические смыслы и значения категории «добродетельная жизнь», контуры которой очерчены в романе И. Шмелева «Лето Господне», могут послужить опорой для всякого воспитания, когда необходим «добрый плод», то есть хороший результат.

Этико-педагогические представления о добродетельной жизни в работах мыслителей, ученых, педагогов русского зарубежья свидетельствуют о том, что в них содержатся теоретические размышления авторов о природе, характере и содержании добродетельной жизни. Кроме того, в трактовках категории «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья в самом общем виде явлены мысли о подходах, методах, способах и приемах возвышения в человеке сил добра, формирования в нем способности к противостоянию злему, разрушающему в человеке собственно человеческое начало. По сути, категория «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья является той категорией, с помощью которой мыслители, ученые и педагоги описывали и объясняли, как должен осуществляться образовательный процесс, приобщающий учащихся к нормам, ценностям и регламентам ведения социально приемлемой и одобряемой жизни, зиждущейся на высших ценностях, наполняющих человеческую жизнь особым смыслом, полнотой и духовностью. Обращение к категории «добродетельная жизнь» позволило мыслителям, ученым и педагогам русского зарубежья детально разобраться в нравственном мире человеческой личности, осмыслить взаимосвязь метафизических и нравственных вопросов педагогики и, наконец, философски осмыслить целостность педагогического бытия.

Подводя общий итог, сделаем как минимум три вывода. Во-первых, на содержание трактовок категории «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья сильное воздействие оказала православная этическая традиция, связанная с ведением человеком добродетельной жизни. Во-вторых, категория «добродетельная жизнь» в педагогике русского зарубежья предстает в качестве понятия, определяющего мерило истинности педагогических взглядов и верности воспитательной практики. В-третьих, этико-педагогические представления о добродетельной жизни в педагогике русского зарубежья представляют безусловный научно-практический ин-

терес как один из высоко значимых источников плодотворных идей, ценных методических технологий, творческое осмысление теоретического и практического потенциала которых может способствовать дальнейшему развитию педагогической науки.

Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. Истина и откровение: Прологемы к критике откровения [Текст] / Н.А. Бердяев; Рус. христиан. гуманитар. ин-т. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1996. – 383 с.
2. Богуславский, М.В. Отечественное образование: персонажи истории [Текст] / М.В. Богуславский. – М.: Изд-во Моск. культурол. лицея № 1310. – 2003. – 160 с.
3. Зеньковский, В.В. Нужно ли педагогу иметь мировоззрение? [Текст] // Вестник РСХД. – Париж, 1959. – № 54. – С. 57.
4. Зеньковский, В.В. Педагогика [Текст] / В.В. Зеньковский. – М.: Правосл. Свято-Тихон. Богослов. инст., 1996. – 153 с.
5. Зеньковский, В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии [Текст] / В.В. Зеньковский. – М.: Шк.-Пресс, 1996. – 271 с.
6. Ильин, И.А. Одиноким художник [Текст] / И.А. Ильин; сост., предисл. и примеч. В.И. Белов. – М.: Искусство, 1993. – 348 с.
7. Ильин, И.А. Путь к очевидности [Текст] / И.А. Ильин. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
8. Ильин, И.А. Философия Фихте как религия совести [Текст] // Вопросы философии и психологии. – М., 1914. – Кн. 122 (II). – С. 165-185.
9. Макаров, М.И. Провиденциалистская идея воспитания в педагогике В.В. Зеньковского [Текст] // Вестник ТГПУ. – № 10 (100). – Томск, 2010. – С. 20-25.
10. Франк, С.Л. Человек и Бог: Человек перед миром и Богом [Текст] / С.Л. Франк. – М.: Грааль, 2001. – 124 с.
11. Шмелев, И.С. Лето Господне [Текст] / И.С. Шмелев. – М.: Детская литература, 2004. – 526 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Berdyaev, N.A. Istina i otkrovenie: Prolegomeny k kritike otkroveniia [Tekst] / N.A. Berdyaev; Rus. khristian. gumanitar. in-t. – SPb.: Izd-vo Rus. khristian. gumanitar. in-ta, 1996. – 383 s.
2. Boguslavskij, M.V. Otechestvennoe obrazovanie: personazhi istorii [Tekst] / M.V. Boguslavskij. – M.: Izd-vo Mosk. kul'turol. litseya № 1310. – 2003. – 160 s.
3. Zen'kovskij, V.V. Nuzhno li pedagogu imet' mirovozzrenie? [Tekst] // Vestnik RSKHD. – Parizh, 1959. – № 54. – S. 57.
4. Zen'kovskij, V.V. Pedagogika [Tekst] / V.V. Zen'kovskij. – M.: Pravosl. Svyato-Tikhon. Bogoslov. inst., 1996. – 153 s.

5. Zen'kovskij, V.V. Problemy vospitaniya v svete khristianskoj antropologii [Tekst] / V.V. Zen'kovskij. – M.: SHk.-Press, 1996. – 271 s.

6. Il'in, I.A. Odinokij khudozhnik [Tekst] / I.A. Il'in; sost., predisl. i primech. V.I. Belov. – M.: Iskusstvo, 1993. – 348 s.

7. Il'in, I.A. Put' k ochevidnosti [Tekst] / I.A. Il'in. – M.: Respublika, 1993. – 431 s. 8. Il'in, I.A. Filosofiya Fikhte kak religiya so-vesti [Tekst] // Voprosy filosofii i psikhologii. – M., 1914. – Kn. 122 (II). – S. 165-185.

9. Makarov, M.I. Providentsialistskaya ideya vospitaniya v pedagogike V.V. Zen'kovskogo [Tekst] // Vestnik TGPU. – № 10 (100). – Tomsk, 2010. – S. 20-25.

10. Frank, S.L. Chelovek i Bog: Chelovek pered mirom i Bogom [Tekst] / S.L. Frank. – M.: Graal', 2001. – 124 s.

11. SHmelev, I.S. Leto Gospodne [Tekst] / I.S. SHmelev. – M.: Detskaya literatura, 2004. – 526 s.